

ПОЧТОВЫЙ ТРАКТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Postroad as a Linguocultural Space of a Literary Text

Вероника Викторовна Катермина

katermina_v@mail.ru

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Veronika V. Katermina

katermina_v@mail.ru

Kuban State University (Krasnodar, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 03.05.2019

Fecha de evaluación: 14.12.2019

Cuadernos de Rusística Española nº 15 (2019), 101 - 112

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена рассмотрению понятия «почтовый тракт» в художественном тексте и лингвокультурным особенностям его восприятия языковой личностью русских и зарубежных писателей. Пространство, будучи одной из самых значимых категорий человеческого миропонимания и бытия, является основой формирования сюжетной и идейной структур художественного текста, который в свою очередь трактуется как наиболее совершенная словесно-речевая форма систематизирования сведений об окружающем мире. Пространство обладает способностью проявлять индивидуальный и эстетический характер художественной интерпретации реальности. В статье подчеркивается, что способы передачи национально-культурной информации универсальны для текстов, созданных разными языковыми личностями, поскольку каждый носитель языка, используя возможности, предоставляемые языковой и концептуальной системами, вольно (а скорее невольно) вносит в текст национальные ментальные стереотипы.

Ключевые слова: почтовый тракт, язык, культура, пространство, художественный текст, языковая личность

ABSTRACT

The article is devoted to the description of the concept of the “post road” in the literary text and linguocultural features of its perception by the linguistic personality of Russian and foreign writers. Being one of the most significant categories of human understanding of the world the space is the basis for the formation of the plot and ideological structure of the literary text which in turn is interpreted as the most perfect verbal-speech form of systematizing information about the surrounding world. The space has an ability to show the individual and aesthetic nature of the artistic interpretation of reality. The article emphasizes that the ways of transmitting national and cultural information are universal for texts created by different language personalities since each native speaker, using the opportunities provided by the language and conceptual systems, voluntarily (or rather unwittingly) introduces national mental stereotypes into the text.

Keywords: postroad, language, culture, space, literary text, language personality.

Язык – это ментальный аспект культуры, духовные ценности, формирующие этнокультурные особенности. Восприятие языка в качестве феномена культуры

предполагает учет особенностей «национальной ментальности и их отражения в лексике, фразеологии, речевом этикете, этических концептах, в характере дискурсивной деятельности носителя определенной культуры» (Богданович 2004: 66). Соответственно, от того, как мыслит общество, нация, другими словами, от национального менталитета, сформировавшегося под действием культурно-исторических фактов, зависит форма и содержание языка, направление и характер мыслительной деятельности отдельного индивида, языковой личности, «языковые категории и концепты» (Маслова 2001: 27).

Лингвокультурологический анализ ценностей даёт возможность установить признаковый состав ориентиров мировосприятия и поведения, показать их сложную анти-номичную природу, выявить их этнокультурную, социокультурную и индивидуально-авторскую специфику, требующую истолкования. Анализ отдельных регулятивных концептов показывает, что их понятийное содержание, представленное в словарных дефинициях, демонстрирует собой верхушку айсберга понимания. Этого достаточно для обиходного общения, которое использует множество дополнительных знаков невербальной коммуникации. Но для коммуникативных ситуаций, требующих не только узнавания, но постижения в суть предмета общения, необходимо погружение в дискурсивную реальность в виде высказываний, которые иллюстрируют признаковый состав концептов. Это могут быть различные высказывания, в которых конкретизируется ситуация в текстовых фрагментах разной величины, и это могут быть реакции информантов – носителей языка и культуры (Карасик 2019).

Художественный текст, отвечая всем общетекстовым требованиям, является особым типом текста. Как любому другому тексту, художественному тексту присущи внутренняя осмысленность, завершенность (законченность, ограниченность), связность, структурность и цельность. Художественное произведение представляет собой «языково-духовную целостность, результат художественного познания и осмысления действительности, результат целесообразного художественно-эстетического переосмысления материала жизни в содержание произведения. Художественное произведение, как и любое словесное нехудожественное, – это коммуникативное целое, где каждый элемент его целеустремлён, что-то осуществляет, чему-то следует» (Брандес 1989: 10).

В художественном тексте каждое слово вступает не только в связи и отношения чисто грамматического характера, но и в другие, обусловленные его художественной природой. Вследствие существования этих специфических связей слово в поэтическом тексте как бы реализует сразу несколько своих валентностей, то есть предстаёт не только как компонент нормативной синтаксической синтагмы, но и как часть ассоциативно-авторской парадигмы. Наличие парадигматических, наряду с синтагматическими, отношений является одной из существеннейших предпосылок для реализации многозначности слова в художественном тексте, тем самым – многозначности и переменчивости художественного образа, бесконечно семантической перспективы, информационной открытости (Катермина 2016).

Язык художественного текста характеризуется неоднозначностью семантики, множественностью интерпретаций. Указанная множественность возможных толкований зависит от ряда причин: это и многогранность художественного образа, и различие

кодов читателя и писателя, и те социально-исторические, культурные и языковые изменения, через которые проходит литературное произведение на пути к читателю. Читатель, интерпретируя текст, основывается на культурных традициях своей эпохи (Назарова 1994); используя знания «вертикального контекста» (Ахманова, Гюббенет 1977), свой «тезаурус» (Тураева 1986), он глубже проникает в тот «глубинный пласт этической национальной картины мира» (Диброва 1996), который запечатлён в художественном тексте.

Своеобразие художественно текста как объекта исследования заключается в том, что он, имея самостоятельную значимость, опирается на исторически сложившиеся культурные ценности, пропущенные через языковую личность писателя (Катермина 2016).

Мы считаем, что существенные особенности языковой личности писателя можно выразить двумя положениями: во-первых, языковая личность писателя-творца индивидуализирована, во-вторых, она существует не в вакууме, а в рамках национальной картины мира и может реализовать индивидуальные черты только на общем концептуальном фоне.

В процессе создания художественного текста автор стремится запечатлеть актуальное для него содержание, личностный смысл. Основой творческого акта является мыслительный процесс. Таким образом, реалии, предметы служат для него мотивом, а результатом является фиксация вышеупомянутого личностного смысла в языковых единицах (Катермина 2017).

Основной мерой ценности произведения искусства любой формы и любого жанра является художественность – сложное сочетание качеств, определяющее принадлежность плодов творческого труда к области искусства. С художественностью связаны представления об органичности, цельности, непреднамеренности, творческой свободе, оригинальности, вкусе, чувстве меры. Источником художественности является действительность, вторично отражённая в содержании произведения. Прекрасное в жизни превращается в красоту искусства благодаря тому, что отражение жизни в творчестве осуществляется сквозь призму идеала прекрасного, который сам обладает красотой в меру своей истинности, народности и гуманистичности. Художественность предполагает также органическое соответствие формы содержанию, достигаемое талантом, мастерством и вдохновением творца и возможное только в том случае, если содержание выражает идейно-эмоциональное отношение художника к действительности в её эстетическом значении (Борисова 2010: 7).

Пространство, будучи одной из самых значимых категорий человеческого миропонимания и бытия, является основой формирования сюжетной и идейной структур художественного текста, который в свою очередь трактуется как наиболее совершенная словесно-речевая форма систематизирования сведений об окружающем мире. Более того, пространство обладает способностью проявлять индивидуальный и эстетический характер художественной интерпретации реальности (Семенова 2019: 4).

Дорога появилась в человеческой культуре как компонент материальной среды, который изначально имел только функциональное назначение – пространственную коммуникацию. Однако уже на ранних этапах развития этнических культур она приобрела смысловое наполнение и превратилась в «духовный феномен».

Дорожная тема – одна из излюбленных русской литературы. К ней обращались почти все великие мастера художественного слова. Уже один этот факт полон значения. В этой теме воплотились и народная философия, и взгляды авторов на проблемы истории и эстетики.

Важность почтового тракта для России трудно переоценить, так как большая территория, разные климатические и экономические условия не всегда способствовали быстрому передвижению пассажиров, товаров и почтовых сообщений. Почтовый тракт – устар. дорога с конным почтово-пассажирским сообщением (Ушаков 1994: 769). Почтовый тракт с почтовыми станами, станционными смотрителями, ямщиками и экипажами привлекали внимание многих писателей и поэтов.

В данной статье материалом для исследования послужили работы А.Н. Радищева, А.С. Пушкина, А.И. Новикова, Ю.Н. Тынянова, Н.В. Гоголя, К. Коровина, И.И. Лажечникова, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, Т. Готье, Л. Демина – художников слова, живших в XVIII–XX веках. Такой большой период свидетельствует о важности феномена почтового тракта и позволяет проследить его эволюцию и выявить лингвокультурные особенности.

Как свидетельствует материал, данное явление рассматривалось в основном в произведениях русских писателей, что является закономерным. Тем не менее нами было также рассмотрено произведение классика французской литературы Теофиля Готье, дважды посетившего Россию. Его книга «Путешествие в Россию» – поэтическое и красочное изложение его впечатлений о путешествиях в Россию.

Приоритетными методами выявления и анализа почтового тракта как лингвокультурного пространства в художественном тексте для нас являются метод контекстологического описания, метод лингвокультурологического анализа и описательный метод. Контекстуальный метод был применён с целью установления особенностей актуализации изучаемых единиц в исследуемом типе текста. Метод лингвокультурологического анализа – для выявления зависимости использования различных средств выражения в художественной литературе от элементов материальной и поведенческой культуры; описательный метод – для выявления характерных особенностей почтового тракта как выражения лингвокультурных особенностей русской языковой личности в художественном тексте.

Н.В. Гоголь восхищался самой дорогой, воспевая её даль и простор: *«Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога!.. Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога!»* (Гоголь 1984: 347-348).

Использование писателем лексем «странный», «манящий», «чудесный», «хороший», «далекий» в одном предложении позволяет предположить о своеобразном восприятии данного феномена – через поэтическое описание данного феномена характеризуются необъятные просторы России.

Почтовый тракт – это «те же шлагбаумы, полосатые версты, станционные смотрители, запах навоза, дым над трубой; та же дорожная пыль, выбиваемая копытами тройки и уносимая ветром на полгоризонта, и самый ветер – послеполуденный – зноен, горяч; повсюду уже пахло» (Новиков 1982: 240).

«И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы,..» (Гоголь 1984: 346).

«По обеим сторонам дороги, словно отступающая армия, беспорядочно пробегали едва различавшиеся в темноте предметы» (Готье 1988: 331).

«Вооль дороги тянулись вехи. Когда зимние метели стирают дороги, они являются их указателями, а летом стоят как безработные телеграфные столбы». (Готье 1988: 333).

Верстовые столбы, или вехи, – это также одна из тех лингвокультурных особенностей, которая характерна при описании почтового тракта. Они являются указателями, определителями, а в поэтическом восприятии сравниваются в безработными телеграфными столбами.

Колокольчик мог оповещать своим звоном о долгожданном путнике или о заблудившейся повозке.

«Но вот заливаается по Питерской дороге курьерский колокольчик – всё приходит в движение. Освобождают правую часть дороги, и бешено несётся курьерская или фельдъегерская тройка» (Гиляровский 1981: 260).

«Вот я тебя палашиом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу: казённый экипаж! И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка» (Гоголь 1984: 347).

Колокольчик – это одна особенность лингвоконцептуального пространства почтового тракта. На протяжении около полутора столетий, с конца XVIII до начала XX в., поддужные колокольчики, являясь специфически русским явлением, играли заметную роль в народном быту. Они использовались главным образом в почтовых и курьерских тройках, подвешивались под дугой коренника. Ямщик, тройка, колокольчик, бубенчик – всё это в основном атрибуты почтовые.

Колокольчик, помимо утилитарного, имел и художественно-эмоциональное значение. Всю дальнюю дорогу он радовал своим звоном сердце, отгоняя скучные думы. Об этом говорят отлитые на колокольчиках напутственные надписи и крылатые выражения типа: «Езжай – поспешай, звони – утешай», «Звенит – потешает, ездить поспешает», «Купи – не скупись, ездь – веселись». Колокольчик своим звоном как бы олицетворял лихую ямщицкую удаль.

Экипаж мог показывать на социальный статус пассажира:

«Из Н., уездного города Ц-ой губернии, ранним июльским утром выехала и с грохотом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка, одна из тех допотопных бричек, на которых ездят теперь на Руси только купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники. Она тарахтела и взвизгивала при малейшем движении; ей угрюмо вторило ведро, привязанное к её задку, – и по одним этим звукам да по жалким кожаным тряпочкам, болтавшимся на её облезлом теле, можно было судить о её ветхости и готовности идти в слом» (Чехов 1982: 180).

В данном примере описывается «безрессорная, ошарпанная, допотопная бричка» – на таком экипаже ездили купеческие приказчики, гуртовщики и небогатые священники. Их невысокий социальный статус позволял им передвигаться на экипажах, которые «тархтели и взвизгивали при каждом движении».

*«В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных, и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего смотрители со мною не церемонились, и часто бирая я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву» (Пушкин 1982: 194).*

Плата за прогон также является указателем социального положения: мелкий чин позволял платить всего за две лошади, в связи с чем станционные смотрители относились к подобным пассажирам с безразличием.

По экипажу можно было изучать Таблицу о рангах, имеющую важное значение в России: *«В обыкновенные четвероместные коляски, с одним чемоданом и сундуком, едущим двум и трём полагалось четыре лошади, но статским советникам и всем чинам, состоящим в четвертом классе, – восемь.*

Чин его ныне был статский советник, ехал он с Сашкой, но ведь звание-то его было какое: полномочный министр.

Однако в уставе о подорожных и вовсе такого звания не числилось. Павлиное звание! Оно по крайней мере равнялось званию сенатора, а сенаторы все были второго класса, и полагалось им не более не менее как пятнадцать лошадей.

На станции смотритель решил по-своему дело и выдал ему после спора десять лошадей. Десять лошадей полагалось контр-адмиралам, епископам и арихмандритам, которые присутствуют в Синоде» (Тынянов 1984: 166).

В данном случае таблица о рангах и социальное положение в нашем случае определяется наличие лошадей, которые выделялись станционными смотрителями проезжающим пассажирам – статским советникам и всем чинам, состоящим в четвертом классе, например, полагалось восемь лошадей; сенаторам второго класса – пятнадцать; десять лошадей предназначалось для контр-адмиралов, епископов и арихмандритов.

Таким образом, история и культура России вплетается в художественное произведение, получая своё воплощение под пером художников слова.

Кроме пассажиров, важное место в дискурсе почтового тракта занимает почтовый стан и станционный смотритель.

Почтовый стан в художественной литературе получает следующие номинации: «почтовый двор», «ям», «почтовая изба», «ямская изба». Такое количество номинаций не случайно – этим подчеркивается важность данного лингвокультурного понятия.

«Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья.

– Что такое? – ~ спрашивал я у повозчика моего.

– Почтовый двор» (Радищев 1981: 15).

«Хотилковский ям был уже в виду» (Радищев 1981: 106).

«От приезде моего на почтовый стан до того времени, как лошади вновь впряжены были в мою повозку, прошло по крайней мере целый час» (Радищев 1981: 174).

«Оставалось 28 верст до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагим вошел в ямскую избу» (Пушкин 1982: 160).

Описание почтовых станций свидетельствует об их стандартности:

«Мы прибыли к почтовой станции, которую сразу узнаешь по белому фасаду и портику с колоннами. Все почтовые станции одинаковы и построены от одного края империи до другого по одному и тому же установленному образцу» (Готье 1988: 331).

«Станционные домики были похожи один на другой, как полосатые дорожные версты. Только были они не полосаты, а ровно окрашены казенною желтою охрой. Дворы также все по одному образцу. В глубине вместительные конюшни, по сторонам — ямщицкая, склады, колодезь посередь двора. Похоже на маленькую крепостцу: дом стоит крепко, как бы упёршись поудобнее в землю; голые стебли подсолнечника торчат в свете факелов (вечер), как оружие, воткнутое в снег; и двор огорожен неплохо: столбы, а между столбами пролеты плотно забраны толстыми досками. Над крыльечком с крепкой двустворчатой дверью и ещё, совсем уже крошечные, глинобитные крепостцы — покинутые на зиму ласточкины гнезда — утешение дочек станционных смотрителей» (Новиков 1982: 104).

Так, почтовая станция представляет собой однотипное сооружение со станционным домиком, который у Н.А. Новикова сравнивается с полосатыми дорожными верстами. На территории станции есть вместительные конюшни, ямщицкая, склады, колодезь.

Интересно, что писатель сравнивает почтовую станцию с маленькой крепостью – своеобразным укрепленным оборонительным пунктом: *дом стоит крепко, как бы упёршись поудобнее в землю; голые стебли подсолнечника торчат в свете факелов (вечер), как оружие, воткнутое в снег; и двор огорожен неплохо: столбы, а между столбами пролеты плотно забраны толстыми досками.*

Почтовый тракт для русских писателей связан, прежде всего, со станционными смотрителями, которые являются частью лингвокультуры: практически во всех произведениях присутствует номинация станционного смотрителя.

Станционный смотритель представлен в художественных текстах как «сущий мученик четырнадцатого класса», «перекрёсток, где пересекались пути низовой молчаливой России и одарённых голосом свыше господ»:

«Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутиливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут – а виноват смотритель» (Пушкин 1982: 194).

«...а станционный смотритель с подвязанной серым платком разбитой щекой так же невнятно и косноязычно шипел, потому что орать мешала скула. Он не мог не ругаться и не распекать по той самой причине, по которой хорошее эхо не может безмолвствовать. И он был тем перекрёстком, где пересекались пути низовой молчаливой России и одарённых голосом свыше господ» (Новиков 1982: 247).

Интересным, на наш взгляд, является последняя метафорическая номинация станционного смотрителя – «перекрёсток, где пересекались пути низовой молчаливой

России и одарённых голосом свыше господ» – он является своеобразным «проводником», обеспечивающим возможность функционирования почтовой системы России.

С другой стороны, подобное положение заставляет станционных смотрителей показывать свою власть там, где это возможно:

«Не велика сошка станционный смотритель в российской чиновной иерархии. Немало обид выпало на его долю со стороны сановных проезжающих, особенно всяких высоких военных чинов и фельдъегерей. Но уже отводил он свою душу, давал почувствовать свою маленькую, но власть, когда зависела от его воли какая-нибудь мелкота – чиновник не выше титулярного советника, пехотный прапорщик, небогатый помещик (судя по платью) или мещанин. К подобной мелкоте станционные смотрители относили и долговязого парня, не обременённого увесистым багажом, недоучившегося воспитанника Академии художеств, если судить по проездным документам. И случилось, куражились над ним, отказывали в лошадях, заставляя ждать. Разве с бедолаги сорвёшь куш?» (Демин 1991: 35–36).

Упадок и исчезновение почтового тракта связывается с появлением железной дороги:

«И долго-долго, до тех пор пока не выстроили Николаевскую железную дорогу, он лихо правил курьерскими тройками, а потом по Садовой и по Владимирке до первой станции, ближе к разбойничьим Гуслицам.

По Тверской-Ямской

С колокольчиком...» (Гиляровский 1981: 260).

«За садом тянулись огромные дворы с сараями. В сараях и на дворах стояли большие экипажи. Их было много: все кареты-дормезы. Но вот стал я замечать, давно что-то в них не запрягали лошадей. И на дворах не трубила утренняя труба, и ямщиков не видать, и не поют они песен, которые слушать было для меня отрадой. Скучно стояли пустые дормезы с большими колесами, покрытые пылью.

Отец был печален и сказал матери:

– Я разорён. Все ямщики пропали.

Позже раскрылась для меня картина этого разорения. Ямское дело, которое наследовал отец от деда и прадеда, вовсе зачахло с проведением железной дороги из Москвы до Троице-Сергиева и Нижнего. Это были дороги деда...» (Коровин 2016: 11).

Прогресс неминуемо связан с изменением материальных и духовных ценностей, что не могло не сказаться и на исчезновении почтового тракта как лингвокультурного пространства, раскрывающего определенный период в истории России.

Необходимо отметить, что данная тематика также присутствует в работах зарубежных авторов, в частности, в произведениях писателей, путешествующих по России того времени.

Так, например, Теофиль Готье в работе «Путешествие в Россию» подробно делится своими впечатлениями о почтовых станциях, описывая все невзгоды и трудности, связанные с ними:

«Во дворе почтовой станции не было других свободных повозок, кроме телег, а нам нужно было ехать пятьсот верст только до границы» (Готье 1988: 329).

«Лошадей запрягли в одну из телег, на неё навалили наши чемоданы, и вот мы в дороге. К полуночи грязь уже затвердела, затянуло лужи, и от окаменевших наворотов льда и земли телега стала прыгать ещё более жестоко» (Готье 1988: 331).

«Полузанесённый снегом двор, который тщетно пытались очистить, отбрасывая снег по углам лопатами и метлами, имел поразительный вид. Его загромождали телеги, тарантасы, дрожки. Их дышла торчали вверх, словно мачты полузатонувших кораблей. За всей этой несложной каретной техникой сквозь сетку белых точек, кружащихся в вихре снежной бури, мой взгляд выудил походивший на спину мертвого кита в морской пене кожаный капот старой коляски, которая, несмотря на свою ветхость, показалась мне ковчегом спасения» (Готье 1988: 340).

Так же, как и русские писатели, Т. Готье упоминает пространство и скорость, с которой несётся телега:

«Скорость – это волнующее удовольствие. Какая радость вихрем нестись в звоне бубенчиков и треске колес среди огромного пространства, в ночной тишине, когда все люди спят, а на вас, словно указывая вам дорогу, мигающими глазами смотрят только звезды!» (Готье 1988: 332).

Он сравнивает скорость с волнующим удовольствием, радостью. Восхищаясь огромным пространством и бесконечной дорогой, писатель-путешественник метафорически описывает тишину и красоту ночной дороги.

Интересным, на наш взгляд, является сравнение русских и прусских дорог и почтовых станций. Т. Готье описывает почтовую станцию в прусском городе как что-то важное: она находилась на красивой площади, дома имели правильную форму, вокруг были высажены деревья:

«Мы оказались в городе, имевшим довольно приятный вид под свежеснежившим снегом. Почтовая станция находилась на красивой площади, окружённой домами правильной формы и посаженной деревьями, за какие-то четверть часа превращёнными в серебряные созвездия» (Готье 1988: 341).

Описание внутреннего убранства почтовых комнат также получает свое развитие у Т. Готье: *низкая комната и мелодично пыхтевшая фаянсовая печка, жёлтый песочек на полу, гравюры в рамках на стенах, немецкие формы столов и стульев*. Он обращает внимание даже на женский персонал, давая комментарий о том, что *«в России, как и на Востоке, только мужчины занимаются обслуживанием посетителей, по крайней мере в общественных местах» (Готье 1988: 341).*

Изменения происходят в еде и одежде: *«Еда тоже изменилась. Вместо щей, икры, огурцов, рябчиков, судаков на столе появились суп с пивом, телятина с коринкой, заяц в желе из смородины и сентиментальные немецкие кондитерские изделия» (Готье 1988: 341).*

«Одежда на людях тоже изменилась. ТИПЫ ЛЮДЕЙ, КАК И ОДЕЖДЫ, СТАЛИ ДРУГИМИ. Задумчивые, отрешённые, мягкие лица русских сменились строгими, металлически резкими, надутыми лицами пруссаков. Совершенно другая

раса. Приплюснутая на лбу маленькая каскетка с козырьком, короткая куртка и узкие в коленях и широкие книзу штаны, в зубах – фарфоровая или пеньковая трубка или янтарный мундштук, куда под прямым углом вставляется сигара. Таковыми на первой же почтовой станции предстали передо мною пруссаки» (Готье 1988: 343).

Интересно отметить тот факт, что автор не ставит своей целью дать оценку – он констатирует, что при смене границы всё стало другим: строчка в его произведении, повествующая о данных наблюдениях, выделена заглавными буквами. Данный стилистический графический прием привлекает внимание читателей и свидетельствует о важности данного явления.

Т. Готье нравится карета (не русская телега или повозка) – прусский экипаж «походил на маленький омнибус», но о чем жалеет иностранный путешественник – это о беге русских лошадей, той скорости и том необъятном пространстве, которое присутствует на дорогах России:

«Но какая разница между быстрым и веселым бегом маленьких русских лошадок и флегматичной рысцой огромных мекленбургских тяжелоартемов, которые, похоже, засыпают на ходу и насилу пробуждаются время от времени, когда рассеянный возница ласково прохаживается кнутом по их толстым спинам! Эти немецкие лошади, без всяких сомнений, знают итальянскую поговорку: «Тише едешь...» Переставляя огромные ноги, они явно обдумывают эту поговорку и совсем отбрасывают вторую её часть: «...дальше будешь», ибо прусские почтовые станции находятся на более близком расстоянии друг от друга, чем русские» (Готье 1988: 341).

Таким образом, закрепление данных образов в текстах художественной литературы позволяет читателям увидеть лингвокультурный пласт ушедшей российской действительности и выявить национально-культурные особенности.

Изучение почтового тракта как категории пространства является важным звеном изучения языковой картины мира народа.

Дорога (почтовый тракт) относится к числу базовых элементов культуры, которые имеют всеобщий характер, являясь, таким образом, важнейшим элементом картины мира. Любая культура имеет уникальные пространственные измерения, которые «выражаются не только в конкретных географических условиях, в которых развивается культура, но и в определённых образах пространства, порождаемых изучаемой культурой» (Замятин 2006). Эти представления являются существенным компонентом культуры и в то же время оказывают значительное влияние на формирование и развитие самой культуры, определяя ряд её уникальных признаков.

Анализ почтового тракта как лингвокультурной категории привёл к выявлению национально-культурных особенностей языковой картины мира русского народа.

В процессе исследования единиц, обладающих лингвокультурной семантикой, было выявлено, что наличие синтагматических валентных связей номинантов определённых тематических полей способствует обогащению семантической структуры данного поля устойчивыми признаками, воплощающими принятую в обществе оценку соответствующего явления и отражающими связанные с единицей культурные представления и традиции.

Анализ также позволил определить семантические указатели, представляющие национально-культурное своеобразие языковой личности, выраженные через приращенные значения исследуемых единиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АХМАНОВА, О. С., ГЮББЕНЕТ, И. В. (1977): «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. *Вопросы языкознания*. 3. С. 47–54.
- БОГДАНОВИЧ, Г. Ю. (2004): «О лингвокультурной ситуации в полиэтничной среде», *Культура народов Причерноморья*, 49. Т.1. С. 83–87.
- БОРИСОВА, Е. Б. (2010): *Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара.*
- БРАНДЕС, М. П. (1989): *Языковой стиль художественного повествования (на материале немецкой художественной прозы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев.*
- ГИЛЯРОВСКИЙ, В. (1981): *Москва и москвичи*. Художественная литература. Москва.
- ГОГОЛЬ, Н. В. (1984): *Избранные сочинения*. Т. 2. Художественная литература. Москва.
- ГОТЬЕ, Т. (1988): *Путешествие в Россию*. Мысль. Москва.
- ДЕМИН, Л. (1991): *С мольбертом по земному шару: Мир глазами В. В. Верещагина*. Мысль. Москва.
- ДИБРОВА, Е. И. (1996): «Феномены текста: культурофилологический и психофилологический», *Филология – Philologica*, 10, с. 2–5.
- ЗАМЯТИН, Д. Н. (2006): *Культура и пространство: Моделирование географических образов*. Знак. Москва.
- КАРАСИК, В. И. (2019): *Языковые мосты понимания*. Дискурс. Москва
- КАТЕРМИНА, В. В. (2016): *Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков)*: ФЛИНТА. Москва.
- КАТЕРМИНА, В. В. (2017): «Юридические номинации в художественном дискурсе: особенности их восприятия языковой личностью автора», *Cuadernos de Rusística Española*. 13. Pp. 169–180.
- КОРОВИН, К. (2016): *Рассказы о любви к людям*. Книжный Клуб Книговек. Москва.
- МАСЛОВА, В. А. (2001): *Лингвокультурология*. Издательский центр «Академия». Москва.
- НАЗАРОВА, Т. Б. (1994): *Филология и семиотика*. Высшая школа. Москва.
- НОВИКОВ, А. И. (1982): *Пушкин в изгнании. Пушкин в Михайловском*. Книга. Москва.
- ПУШКИН, А. С. (1982): *Сочинения в 2 томах*. Т. 2. Художественная литература. Москва.
- РАДИЩЕВ, А. Н. (1981): *Путешествие из Петербурга в Москву*. Художественная литература. Ленинград.
- СЕМЕНОВА, П. В. (2019): *Когнитивно-семантическая модель художественного пространства англоязычного произведения (на материале Иэна Макьюэна “Atonement”): дис. ... канд. филол. наук. Уфа.*
- ТУРАЕВА, З. Я. (1986): *Лингвистика текста (текст: структура и семантика)*. Издательство Просвещение. Москва.
- ТЫНЯНОВ, Ю. Н. (1984): *Смерть Вазир-Мухтара*. Правда. Москва.

УШАКОВ, Д. Н. (1994): *Толковый словарь русского языка*. Т. 3. Русские словари. Москва.

ЧЕХОВ, А. П. (1982): *Сочинения в 2-х т.* Т. 1. Художественная литература. Москва.

BIBLIOGRAPHY

- AKHMANOVA, O. S., GYUBBENET, I. V. (1977): «Vertikal'ny'j kontekst» kak filologicheskaya problema. *Voprosy yazy'koznaniya*. 3. S. 47–54.
- BOGDANOVICH, G. Yu. (2004): «O lingvokul'turnoj situacii v polie'tnichnoj srede», *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 49. T.1. S. 83–87.
- BORISOVA, E. B. (2010): *Khudozhestvenny'j obraz v anglijskoj literature XX veka: tipologiya – lingvopoe'tika – perevod: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Samara.*
- BRANDES, M. P. (1989): *Yazy'kovoju stil' khudozhestvennogo povestvovaniya (na materiale nemeczkoi khudozhestvennoj prozy): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kiev.*
- CHEKHOV, A. P. (1982): *Sochineniya v 2-kh t.* Т. 1. Khudozhestvennaya literatura. Moskva.
- GILYAROVSKIJ, V. (1981): *Moskva i moskvichi*. Khudozhestvennaya literatura. Moskva.
- GOGOL', N. V. (1984): *Izbranny'e sochineniya*. Т. 2. Khudozhestvennaya literatura. Moskva.
- GOT'E, T. (1988): *Puteshestvie v Rossiju*. My'sl'. Moskva.
- DEMIN, L. (1991): *S mol'bertom po zemnomu sharu: Mir glazami V. V. Vereshhagina*. My'sl'. Moskva.
- DIBROVA, E. I. (1996): «Fenomeny` teksta: kul'turofilologicheskij i psikhofilologicheskij», *Filologiya – Philologica*, 10. S. 2–5.
- KARASIK, V. I. (2019): *Yazy'kovy'e mosty` ponimaniya*. Diskurs. Moskva
- KATERMINA, V. V. (2016): *Nominacii cheloveka: nacional'no-kul'turny'j aspekt (na materiale russkogo i anglijskogo yazy'kov): FLINTA*. Moskva.
- KATERMINA, V. V. (2017): «Yuridicheskie nominacii v khudozhestvennom diskurse: osobennosti ikh vospriyatiya yazy'kovoju lichnost'yu avtora». *Cuadernos de Rusística Española*. 13. Pp. 169–180.
- KOROVIN, K. (2016): *Rasskazy` o lyubvi k lyudyam*. Knizhny'j Klub Knigovek. Moskva.
- MASLOVA, V. A. (2001): *Lingvokul'turologiya*. Izdatel'skij centr «Akademiya». Moskva.
- NAZAROVA, T. B. (1994): *Filologiya i semiotika*. Vy'sshaya shkola. Moskva.
- NOVIKOV, A. I. (1982): *Pushkin v izgnanii. Pushkin v Mikhajlovskom*. Kniga. Moskva.
- PUSHKIN, A. S. (1982): *Sochineniya v 2 tomach*. Т. 2. Khudozhestvennaya literatura. Moskva.
- RADISHHEV, A. N. (1981): *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu*. Khudozhestvennaya literatura». Leningrad.
- SEMENOVA, P. V. (2019): *Kognitivno-semanticheskaya model' khudozhestvennogo prostranstva angloyazy'chnogo proizvedeniya (na materiale Ie'na Mak`yue'na “Atonement”): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa.*
- TURAEVA, Z. YA. (1986): *Lingvistika teksta (tekst: struktura i semantika)*. Izdatel'stvo Prosveshhenie. Moskva.
- TY'NYANOV, YU. N. (1984): *Smert` Vazir-Mukhtara*. Pravda. Moskva.
- USHAKOV, D. N. (1994): *Tolkovy'j slovar` russkogo yazy'ka*. Т. 3. Russkie slovarei. Moskva.
- ZAMYATIN, D. N. (2006): *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov*. Znak. Moskva.